УДК 316.4

Постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры межпоколенческих отношений как источник воспроизводства социального сиротства*

Беляев В.А.
Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ

Мингазова А.М.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ

Статья посвящена анализу трех дискурсов (традиционалистского, модернистского и постмодернистского) с точки зрения их позиции к семье, браку, межпоколенческим и межполовым отношениям.

Ключевые слова: постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры, перекрестный конфликт, межпоколенческие и межполовые отношения, ювенальная юстиция, социальное сиротство.

В советское время в дискурсе о социальном сиротстве постепенно модернистский (урбанистический) подход, социальным агентом которого являлись и коммунисты, и в целом городские жители, и молодежь, стал вытеснять традиционно-патриархальный, который маргинализировался, оставшись превалирующим лишь у сельских жителей, верующих, пенсионеров и маргиналов. Вместе с тем оба дискурса, не совпадая друг с другом в своих программах работы с явными и латентными социальными сиротами, в то же время не вступали в открытый взаимный конфликт в силу общности оценки семьи как базового агента социализации и не инструментального, а ценностного подхода к детям [1]. Они сходились и в необходимости преодоления социального сиротства как массового явления, только если модернистский дискурс исходил из концепции «обобществления» социальных сирот, помещения их в такие тотальные институты, как детские колонии, специализированные школы, интернаты и из теории и практики параллельного воспитания (социализации через коллектив) А. Макаренко, то традиционалисты были убеждены в преимуществах индивидуального воспитания (усыновление, опека и попечительство). Появление постмодернистского дискурса, основанного на сугубо инструментальном подходе к семье, браку, детям, резко изменило картину отношения к социальным сиротам. Мы можем наблюдать не смягчение конфликта традиционалистов и модернистов перед лицом общего идейного противника – постмодернизма, а одновременную атаку постмодернистов и традиционалистов именно на модернизм при имитации яркого и громкого междоусобного конфликта между первыми. Эта атака де-факто гасит принципиальную противоположность постмодернистского и традиционалистского дискурсов. Рассмотрим причины их такой переориентации.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

Принципиальные различия между постмодернистским и традиционалистским (псевдорелигиозным) отношением к семье, браку и детям заключаются в следующем.

Постмодернисты в своем стремлении игнорировать или разрушить все существующие социальные институты отвергают традиционную семью, даже нуклеарную, состоящую из системы брачных и кровнородственных связей (не говоря уже о связях свойственных). В силу этого они не просто институционализируют и легитимизируют нетрадиционные брачные отношения и отношения детей к родителям, но фактически устанавливают тотальную ювенократию в семье. В рамках социализации детей постмодернисты постулируют отношения родителей и ребенка как не просто равноправные в противовес традиционалистскому подходу, но как требование к государству в любых конфликтах вставать на сторону ребенка, дискриминируя при этом родителей и вводя против последних жесткие санкции. Радикальный феминизм XXI в., ЛГБТ-сообщества и ювенальная юстиция быстро прошли от стадии требований равноправия женщины и признания молодежи как самостоятельной группы, а также от права женщин на аборт и развод к «чайлфри», полному игнорированию биологических различий между полами и защите прав детей и даже зародышей как ценности большей, нежели права родителей. В результате происходит разрушение традиционной семьи, делегитимизация межполового брака, стирание половых ролей в воспитании, превалирование прав ребенка над его ответственностью и над правами родителей.

В конце 2016 г. нами был проведен опрос студентов по вопросам семьи и брака [2]. Всего было изучено мнение 381 студента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева (КНИТУ-КАИ). Помимо проанализированного в указанной статье, в опрос были включены вопросы об отношении респондентов к проблеме социального сиротства. Среди наших респондентов более 70 % высказались негативно о принятом 4 июля 2016 г. так называемом «Законе о шлепках», который криминализировал любое семейное насилие, даже шлепки, тем самым принятие непродуманного варианта закона было сугубо в русле либерального (постмодернистского) дискурса. Вместе с тем большинство студентов не считает подобные шлепки наказанием, однако практически все осуждают жестокое обращение с детьми, присущее патриархальному укладу. Число студентов, поддерживающих данный закон, очень мало – среди наших респондентов это всего лишь каждый десятый. Такое отношение к закону в целом соответствует отношению в обществе к либеральному дискурсу. В дальнейшем против «Закона о шлепках» и за декриминализацию ст. 116 было собрано более 200 тыс. подписей родителей по всей России [3]. В результате общественного давления 14 ноября 2016 г. в Госдуму РФ был внесен законопроект № 26265-7 «О внесении изменений в ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», который вступил в силу 7 февраля 2017 г. Однако если в прежней редакции за первый случай «шлепка» ребенку родителя или другого близкого родственника имели право лишить свободы до двух лет, то по новой редакции за первый случай предусмотрена административная ответственность, за второй – уголовная. Фактически шлепки вновь стали одним из видов насилия, санкции против которого и так содержались в УК РФ.

Это была очевидная победа модернистского подхода, признающего необходимость семейной иерархии, но отвергающего неразборчивость в методах её сохранения. Однако либералы, посчитав это своим поражением, в вопросе «о шлепках» ставят цель борьбы именно с модернистским дискурсом, уравнивающим все виды насилия.

Другой темой постмодернистского дискурса, вброшенной в общественные обсуждения и даже реализуемой на практике, является борьба с убийством новорожденных путем организации их приема в роддомах и больницах. По отношению к инициативе такого установления беби-боксов при больницах, где матери могли бы анонимно оставлять своих новорожденных детей, мнения наших респондентов разделились [2]. В целом положительно к этому относятся около 42 % опрошенных студентов. Они объясняли свою позицию тем, что бэби-боксы дают шанс на жизнь младенцам, которые оказались не нужными биологическим матерям, поскольку на слуху истории, когда новорожденных детей оставляли в опасности, «*выбрасывая на улицу или на помойку*». Отрицательно данную инициативу оценивают чуть более трети респондентов. По их мнению, беби-боксы будут способствовать увеличению числа сирот, поскольку матери, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, могут выбрать такой относительно простой способ решения проблем, как анонимный отказ от ребенка.

Корреляционный анализ показал, что в обоих рассмотренных вопросах не прослеживается значимого различия в ответах студентов разной национальности, пола и группы специальностей, по которым они готовятся. Исходя из данных других исследований, выявлявших различия мнений студентов, владеющих разными языками [4] и учащихся по направлениям с разными перспективами трудоустройства и степени конкурентоспособности [5], можно было предполагать, что постмодернистские убеждения в данном вопросе должны быть присущи прежде всего тем, кто владеет лишь русским и иностранным языком и учится по самым перспективным направлениям. Однако наши опросы этого не показали.

Рассмотренные социальные процессы (усиленную криминализацию «шлепков» и организацию беби-боксов) мы относим к проявлениям порожденной постмодернизмом ювенальной юстиции, проявлениям, которые множат спектр детского неблагополучия и негативно сказываются на традиционных семейных ценностях и самом сохранении семьи и брака. В итоге не только уменьшается брачность, но и растет благодаря ювенальной юстиции число детей, ставших социальными сиротами (из-за изъятия детей из полноценных и самообеспеченных семей в детские дома, приемные семьи).

Тем самым постмодернистский дискурс, на первый взгляд, противостоит модернистскому (урбанизированному) и традиционалистскому (прежде всего радикальному псевдорелигиозному) дискурсу в равной степени. Поскольку модернистский и традиционалистский подходы предполагают, хоть и в разной степени, сохранение семьи, брака, асимметрии власти в них, иерархию межпоколенческих отношений – и все это в противовес постмодернизму, то основным сущностным и принципиально ценностным конфликтом в обществе в вопросе о детях должен быть конфликт между либеральным, с одной стороны, и модернистским и патриархальным подходами, с другой.

Однако этот конфликт уходит на второй план в силу переориентации острия атаки как постмодернистов, так и традиционалистов, создающих классический перекрестный конфликт. Поскольку конфликты как социальные явления присутствуют на всех этапах и уровнях взаимодействия социальных субъектов, и эти конфликты настолько разнообразны, что часто накладываются друг на друга, постольку новые конфликты способны гасить или минимизировать последствия старых конфликтов. Такое наложение конфликтов создает так называемый «перекрестный конфликт». Перекрестный конфликт, согласно Л. Козеру, представляет собой ситуацию, когда противники в одном вопросе являются союзниками в другом, что ведет к уравновешиванию отношений и предотвращает нестабильность в обществе [6]. Радикализация псевдорелигиозного и постмодернистского дискурса сделали их невольными союзниками в борьбе с модернистским подходом к детям и сиротам.

Дело в том, что традиционалистский (псевдорелигиозный) дискурс не столько защищает традиционные межполовые и межпоколенческие отношения в семье, сколько создает симулякр семьи, родственных и межпоколенческих отношений в ней. Под симулякром мы понимаем образ, лишенный сходства с предметом, но создающий эффект подобия. Так, традиционалистский подход рассматривает брак инструментально, только как способ привязки женщины к мужчине, иерархизации межполовых отношений и легитимизации передачи социального статуса и родства потомству. Для такой разновидности традиционализма, как становящийся все более активным радикальный псевдорелигиозный дискурс, также характерно отношение к семье, браку и детям не как к самоценности, а лишь как к средству для достижения более значимых целей и реализации сверхидей. Они важны только как источник пополнения социальной базы псевдорелигиозных общностей. В случае, если семья, брак, дети, женщины не способны соответствовать этим сверхидеям, они теряют даже инструментальную, т.е. мобилизационную, институционализирующую роль в глазах религиозных фанатиков. Тем самым традиционалистский дискурс тоже вроде бы противостоит и постмодернизму, и модернизму, однако на деле борется лишь с последним как превалирующим в общественном мнении.

Изучение первичных и вторичных данных, получаемых из СМИ, Интернета, сайтов и форумов, посвященных вопросам семьи и религии, позволяет сделать вывод, что современные представления неофитов отличаются от традиционных религиозных взглядов на цели и функции брака, ценность детей, целостность семьи, взаимоуважение. Родители, заражаемые псевдорелигиозными идеями строительства халифата, уезжают в зону боевых действий в Сирию, Ирак и увозят с собой детей [7-10]. Нередки случаи, когда один из родителей (преимущественно муж) оставляет семью, детей, если другой супруг не разделяет его взгляды.

Постмодернистское и традиционалистское отношение к семье, браку и детям в социальной реальности борются не друг против друга, а вместе против модернистского дискурса, сохранения семьи и традиционных отношений, опеки над детьми. Их объединяет единая методологическая основа в построении внутрисемейных отношений. Оба этих дискурса руководствуются инструментальным (инструментально-институциональным и инструментально-гедонистическим, соответственно) подходом к семье, браку, детям и родителям. Обоим этим дискурсам мешает именно модернистская семья с классическим распределением половых и поколенческих ролей. Последнее десятилетие произошла радикальная трансформация вектора взаимоотношений всех трех указанных дискурсов (традиционалистского, модернистского и постмодернистского).

В советское время постмодернизма не существовало как социального феномена и идейного дискурса, а модернистское и традиционалистское отношения к семье, браку, женщинам и детям мирно сосуществовали в рамках отдельных городов, их микрорайонов, в поселках и даже в сёлах, а также в СМИ, искусстве и пропаганде. В настоящее время произошла радикализация традиционалистского подхода к браку, женщинам, детям и одновременно появился весьма агрессивный постмодернизм,

проявляющий себя в художественной литературе, фильмах, захвативший целые телеканалы и даже ряд госорганов РФ, призванных работать с детьми, но выступающих против важнейших жизненных прав детей и семьи с позиций ювенальной юстиции. В этом плане основным идеологическим противником как постмодернизма, так и радикального традиционализма (псевдорелигиозного толка) становится модернистский дискурс, оттягивающий на себя социальную базу и идейную привлекательность подходов к браку и межпоколенческих отношений в семье (что показали и вышеприведенные данные нашего опроса).

Эта привлекательность выражается в четком отстаивании (например, Родительским Всероссийским сопротивлением и иными организациями) не инструментального, а сущностного, самоценностного отношения к институтам и субъектам семейно-брачных отношений. Брак в модернизме трактуется как институт, без которого люди разного пола не могут в полной мере реализовать свои эмоциональные привязанности и который дает социальные, коммуникативные, экономические и правовые основы для такой реализации. Дети понимаются модернистами не как источник будущего социального обеспечения, и тем более будущие воины аллаха, а как высший результат и высшее проявление любви и объект заботы и защиты, имеющий не только права, но и ответственность перед родителями. Женщина в модернизме также имеет право на счастье, но с ее биологической (физиологической) спецификой. Тем самым женщины, дети, брак в модернистском дискурсе являются высшей ценностью сами по себе, а не средствами реализации внешних для семьи сверхидей.

Таким образом, модернизм является единственным дискурсом, сохраняющим содержание детей в родной семье, и при этом ориентированным на их репродукцию, защищающим существующие межполовые и межпоколенческие отношения. Постмодернизм же создает симулякр семьи. В реальности он разрушает семью, которая исчезает как социальный институт, скрепляющий межполовые и межпоколенческие отношения. Более того, в подобных условиях в семьях формируется межпоколенческий разрыв [11].

Радикальный традиционализм (квазирелигиозность) также формирует симулякр семьи – или разрушая брак и лишая детей родителей, или готовя жен и детей лишь для борьбы с неверными. В любом случае, дети становятся социальными сиротами, подчиняясь не столько внутрисемейным, сколько мобилизующим для борьбы с «врагом» инструментом.

В результате нарушилось мирное сосуществование модернистского и традиционалистского дискурсов. Постмодернистский и традиционалистский дискурсы для вида борятся друг с другом, а на деле в данном случае идет борьба «нанайских мальчиков», т.е. имитация их антагонизма. Тем самым основное противоречие между сущностным (самоценностным) подходом к семье, браку, родителям и детям и инструментальным дискурсом выходит на первый план, а противоречие между традиционалистским и постмодернистским дискурсом в семейно-брачных отношениях затеняется, теряя ряд функций и сужая свой фронт. Возникает своего рода перекрестный конфликт, когда сущностное противоречие в СМИ, Интернете, на иных площадках общественной дискуссии уходит в тень, а взаимные «удары» радикал-традиционалистов и постмодернистов бьют не по адресу, а по браку, родителям, детям, т.е. по традиционной семье. В борьбе против модернистского дискурса в отношении детей, родителей, брака ультра-традиционалисты и постмодернисты руководствуются принципом «Враг моего врага – мой друг». Все это непосредственно сказывается на судьбе детей.

Именно постмодернисты неизбежно становятся лоббистами традиционализма, всячески отстаивая полную свободу для иммиграции в свои страны (как в страны Запада, так и в Россию) беженцев из регионов с преобладанием радикального традиционализма. А ориентированные на псевдорелигиозность используют либералистскую пропаганду нетрадиционных отношений в семье как «пугало» для мобилизации всех сторонников сохранения межполовых и межпоколенческих традиционных отношений в семье.

Литература:

1. Беляев В.А., Муртазина Л.Р. Соотношение процессов трансмутации и трансформации в секс-семейно-брачных отношениях провинциального населения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6. – Ч. 2. – С. 26-30.
2. Беляев В.А., Мингазова А.М. Проблемы усыновления детей в современной России // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 206-209.
3. Госдума окончательно отменила принятый полгода назад «закон о шлепках» // Взгляд. Деловая газета. – URL: https://vz.ru/society/2017/1/27/855337.html

4. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // Journal of Social Studies Education Research. – 2017. – Vol 8. – № 2.
5. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O., Nagmatullina L., Hamzina G. Russian Education in The Context of The Third Generation Universities` Discourse: Employers' Evaluation // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – T. 11. – № 16. – P. 9101-9112.
6. Козер Л.А. Функции социального конфликта. – URL: http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html
7. Кадыров: В приюте Мосула находятся до 120 детей из стран СНГ // ИА REGNUM. – URL: https://regnum.ru/news/2322431.html
8. Луговой О. ИГИЛология татарстанцев: «Похищенных» детей спасли от войны в Сирии. – URL: https://www.kazan.kp.ru/daily/26450/3321219/
9. Боброва И. Родные о сбежавшей в Сирию россиянке: одевала дочку в черное. – URL: http://www.mk.ru/social/2017/07/14/rodnye-o-sbezhavshey-v-siriyu-rossiyanke-odevala-dochku-v-chernoe.html
10. Сироты джихада: Россия пытается вернуть из Мосула 48 детей, которых родители вывезли в ИГ. – URL: https://news2.ru/story/526572/
11. Максимова О.А. Преемственность и конфликт поколений в информационном обществе: социологический анализ // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. – 2010. – № 3. – С. 210-213.

Postmodern and Pseudo-Religious Simulacra of Intergenerational Relations as a Source of Reproduction of Social Orphanhood

Belyaev V.A., Mingazova A.M.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI

The article is devoted to the analysis of three discourses (traditionalist, modern and postmodern) from the point of view of their position towards family, marriage, intergenerational and inter-sex relations.

Key words: postmodern and pseudo-religious simulacra, cross-cutting conflict, intergenerational and inter-sex relations, juvenile justice, social orphanhood.